Пол Андерсон

Сломанный меч

Пол Уильям Андерсон

Сломанный меч

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121806

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 12
Глава 5 15
Глава 6 21
Глава 7 25
Глава 8 30
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Пол Андерсон
Сломанный меч

Глава 1

Жил человек по имени Орм Сильный, сын Кетила Асмудсона, землевладельца с юга Ютландии. Их род поселился там с незапамятных времен и содержал огромные поместья. Жену Кетила звали Асгерд, она была дочерью Рагнар Хэарибрикс. Так что Орм вышел из хорошей семьи, но, будучи пятым сыном у своего отца, не мог претендовать на большое наследство.

Орм с детства любил море и как только достаточно подрос, почти каждое свое лето проводил в плаваниях с викингами. Он был еще молод, когда умер Кетил и фермой стал управлять старший из братьев – Асмунд. Но однажды, когда Орму минуло двадцать зим, он подошел к брату и сказал:

– Вот уже несколько лет ты владеешь здесь, в Гиммерландии, тем, что принадлежит всем нам. Остальные тоже хотят своей доли. Но если мы разделим земли на пять частей, да еще выделим приданое для наших сестер, мы станем обычными, мелкими землевладельцами и никто не вспомнит о нас после нашей смерти.

– Ты прав, – ответил Асмунд. – Нам лучше держаться вместе.

– Да, но я не хочу быть пятым человеком у одного руля, – сказал Орм, – и поэтому я тебе предлагаю вот что: дай мне три корабля с оснасткой, запасом провизии и оружием, необходимым для тех, кто отправится со мной. Я сам найду себе землю и не буду требовать своей доли. Асмунд был очень доволен, и еще больше он обрадовался, когда два брата сказали, что отправятся с Ормом.

До наступления весны он купил корабли, оснастил их и нашел много бедных и молодых людей, которые были бы рады отправиться на запад. Как только погода прояснилась, хотя море все еще было сурово, Орм вывел свои корабли из Лимфьорда, и после этого Асмунд его больше никогда не видел.

Команды быстро гребли на север, пока не оставили у себя за спиной вересковые поля и дремучие леса под высокими небесами Гиммерландии. После того как они обогнули Ско, подул хороший ветер, и они подняли паруса. Корабли повернулись кормой к своей стране, и, как полагалось, на них подняли драконьи головы. В снастях свистел ветер, обшивка кораблей покрылась пеной, и чайки кричали вокруг нок-реи. Орм, чувствуя себя счастливым, сложил стих:

Белогривые конники моря – валы, слышу плеск ваш, храпенье и ржанье. Убегая на запад от здешней весны, тяжесть ноши для вас наказанье.

Благодаря тому, что он отплыл так рано, ему удалось достичь берегов Англии раньше других викингов и захватить богатую добычу. К концу лета его корабли достигли Ирландии. Там он обосновался и более никогда уже не покидал западных островов, летом он занимался грабежом, зимой – продавал часть добычи для покупки новых кораблей.

Но пришло время, и пришло к Орму желание обзавестись собственным домом. Он со своим небольшим флотом присоединился к огромному флоту Гаторма, которого англичане называли Гатрумом. Следуя за этим лордом как на суше, так и на море, он во многом выиграл, но также и во многом проиграл, когда король Альфред одержал победу у Этандуна. Орм и несколько его людей были среди тех, кому удалось прорваться и спастись. Потом он услышал о том, что Гаторму и другим окруженным датчанам были сохранены жизни при условии, что их окрестят. Орм понял, что его ждет, пусть и небольшой, период мира между

датчанами и людьми Альфреда. Тогда он уже не сможет столь свободно получать от Англии то, что он до сих пор от нее имел.

В поисках дома он попал в места, названные позднее страной датского Закона.

Он нашел зеленое, красивое поместье, начинавшееся с небольшой бухты, в которой он мог бы держать свои корабли. Англичанин, живший там, был человеком богатым и достаточно сильным и не хотел продавать поместье. Но Орм пришел к нему ночью, окружил дом своими людьми и поджег его. Хозяин, его братья и большинство его слуг погибли. Говорили, что мать англичанина, которая была ведьмой, спаслась потому, что поджигатели выпустили всех женщин, детей и рабов, выбежавших из дома, и наложила на Орма проклятие, заключавшееся в том, что его старший сын будет воспитан вдали от людей, в то время как Орм взрастит волка, который однажды разорвет его.

Родственникам англичанина, оставшимся среди большого количества датчан, уже заселивших окрестности, ничего не оставалось другого, кроме как принять от Орма вергельд и плату за землю, тем самым сделав его законным владельцем фермы. Он построил большой новый дом и другие строения, и с его деньгами, последователями и славой, которую он имел, вскоре стал считаться вождем.

Прожив на новом месте год, он почувствовал, что было бы неплохо завести жену. Взяв с собой много воинов, он поскакал к английскому графу Ателстейну и попросил руки его дочери – Эльфриды, которая считалась самой красивой девушкой королевства.

Ателстейн долго гмыкал и бормотал, но Эльфрида сказала Орму прямо в лицо:

– Я не могу и никогда не стану женой собаки – язычника. А если ты попробуешь взять меня силой, ты получишь мало удовольствия от этого, в этом я клянусь.

Стройная и хрупкая, с меднокаштановыми волосами и ясными серыми глазами, Эльфрида была полной противоположностью огромному, грузному Орму, кожа которого покраснела от ветра и солнца, а копна волос стала практически белой от солнца и морской воды. Но он чувствовал, что чем-то она сильнее его, и поэтому, подумав немного, он сказал:

– Теперь, когда я на земле, где народ почитает Христа, думаю, было бы разумно для меня примириться с ним, точно так же, как с его людьми. Многие датчане уже сделали это. Я буду окрещен, если ты выйдешь за меня замуж, Эльфрида.

– Это ничего не даст, – закричала она.

– Но подумай, – лукаво сказал Орм, – если ты не выйдешь замуж за меня, я останусь некрещеным, и тогда, если верить священникам, душа моя пропадет. А ты жестоко ответишь перед своим Господом за потерянную человеческую душу, – и он прошептал Эльфриде: – И еще, я сожгу этот дом и сброшу тебя с морских утесов.

– Да, дочь, мы не имеем права терять человеческую душу, – быстро сказал Ателстейн.

Эльфрида не очень долго сопротивлялась, так как Орм был по – своему не таким уж страшным и плохим человеком; к тому же этот союз шел явно на пользу дому Ателстейна. Итак, Орм был окрещен и вскоре женился на Эльфриде и привез ее в свой дом. И жизнь их была довольно спокойной, хоть и не всегда мирной.

В их округе не было церкви; все были сожжены викингами. По желанию Эльфриды, Орм приблизил к семье священника, поселив его в своем доме, а для искупления своих грехов задумал построить для него церковь. Но, будучи человеком осторожным и не желая оскорбить никакую из Сил, он продолжал приносить жертвы Тору зимой и Фрейру весной, прося у них мира и хороших урожаев, как когда-то в море просил удачи у Одина и Эзира.

Из-за этого они ругались со священником всю зиму, и весной, незадолго до того, как у Эльфриды родился ребенок, Орм вышел из себя и выгнал священника из дому, велев ему убираться куда-нибудь. Эльфрида долго упрекала его за это, пока наконец он не завопил, что больше не в силах выносить бабьей болтовни и что он вынужден от нее бежать. И он

отплыл со своими кораблями раньше, чем хотел, и провел все лето, грабя берега Шотландии и Ирландии.

После его отъезда Эльфрида родила. Ребенок был большим красивым мальчиком, которого Эльфрида, по желанию Орма, назвала Вальгардом, старинным именем их рода. Но теперь в доме не было священника, который мог бы окрестить ребенка, а ближайшая церковь стояла на расстоянии двух—трех дней пути, и Эльфрида тут же послала туда слугу.

Она была счастлива и горда за своего сына и напевала ему, как когда – то ей пела ее мать:

Баю-баю, птенчик мой, самый лучший под луной! Гонит стадо пастушок. Солнце село за горой. Глазки ясные закрой.

Баю-баю, малый мой Я тебя качаю! Ходит месяц золотой, Звездочки зажглись, Спи любимый мой сынок

Баю-баю, мой малыш. Будь благословен: ведь с тобою сам Бог, чтобы спать спокойно мог мой любимый сынок.

Глава 2

Граф эльфов Имрик выехал ночью посмотреть, что происходит в землях людей. Была холодная весенняя ночь с почти полной луной. Иней серебрился на траве, и звезды были все еще сильные и яркие, как зимой. Ночную тишину нарушал лишь редкий вздох ветра в ветвях, набухающих почками, и весь мир состоял из скользящих те ней и холодного белого света. Подковы на копытах лошади Имрика были с серебром и там, где они ступали, звучал высокий чистый перезвон.

Имрик проскакал в лес. Ночь окутала деревья тьмой, но он заметил красноватый огонек. Когда он подъехал ближе, то увидел, что это был свет, пробивающийся сквозь щели плетеной лачуги, стоявшей под огромным корявым дубом, с ветвей которого, вспомнил Имрик, друиды когда-то срезали омелу. Предчувствуя встречу с ведьмой, Имрик слез с коня и постучал в дверь.

Дверь открыла женщина, казавшаяся такой же старой и сгорбленной, как дерево, под которым она жила. Она открыла дверь и смотрела не него; мерцающий лунный свет отражался от его шлема, кольчуги и его серой лошади, поедающей мерзлую траву за его спиной.

– Добрый вечер, мать, – сказал Имрик.

– Никому из вас, эльфов, не позволяла я еще называть себя матерью, вас, рождающих больших детей для людей, – проворчала колдунья. Но она пропустила его внутрь и поспешила налить ему в рог пива. Вероятно, фермеры, проживающие поблизости, приносили ей еду и питье взамен на те небольшие волшебства, которые она для них могла делать. Чтобы сесть на единственную скамью в лачуге, Имрику пришлось согнуться и сбросить с нее кучу костей и другого хлама.

Он смотрел на нее своими странными быстрыми глазами, которые, как и у всех эльфов, были небесно-голубого цвета, без белков или синих зрачков. В глазах Имрика отражались лунные блики и тени древних знаний, потому что он уже долго жил на земле. Но он всегда был молодым, у него был широкий лоб, большие скулы, узкий подбородок и прямой тонкий нос правителей эльфов. Его серебряно-золотые, тоньше паутины, волосы падали волной из-под его шлема на широкие, покрытые красной мантией плечи.

– Что-то давненько эльфы не появлялись среди людей, – сказала ведьма.

– Да, мы слишком были заняты нашей войной с троллями, – ответил Имрик голосом, похожим на далекий шум ветра в лесу. – Но сейчас у нас перемирие, и мне интересно узнать, что произошло за последние сто лет.

– Многое, но мало хорошего, – сказала ведьма, – датчане пришли с моря, убивают, грабят, жгут, захватывая Восточную Англию, а больше я ничего не знаю.

– В этом нет ничего плохого. – Имрик поглаживал свои усы. – До них англы и саксы делали то же самое, еще раньше – пикты и скотты, а до них – римляне, до римлян – бритты и галлы, еще раньше, но это очень длинная история, которая не прекратится и после датчан. И я, наблюдая за ней практически с момента образования земли, не вижу в ней никакого вреда, поскольку так легче убивать время. Я с радостью посмотрел бы на этих пришельцев.

– Тогда тебе не нужно далеко ехать, – сказала ведьма, – Орм Сильный живет на побережье, это на расстоянии ночи пути на плохой лошади, а может, и того меньше.

– Ничтожное расстояние для моего коня. Я поеду.

– Стой, подожди, эльф! – какое-то время колдунья сидела, бормоча, ее глаза смотрели на свет, исходящий от крохотного огня в очаге, два красных огонька вспыхнули среди дыма и теней. Неожиданно она захохотала. И, ликуя, закричала: – Да, езжай, езжай, эльф, к дому Орма у моря. Он сейчас в отъезде, но его жена с радостью примет тебя. Она недавно родила сына, который все еще не окрещен.

При этих словах длинные, заостренные уши Имрика приподнялись.

– Правду ли ты говоришь, ведьма? – спросил он низким и ровным голосом.

– Клянусь Сатаной. Я умею узнавать, что происходит в этом проклятом логове. – Старуха раскачивалась во все стороны, сидя в своих лохмотьях перед гаснущими углями. Тени толкались друг за другом по стене, огромные и бесформенные. – Езжай и посмотри сам.

– Я не рискну взять ребенка датского вождя. Он может быть под покровительством Эзира.

– Нет. Орм – христианин. Но, изменив старым богам, он не верит в нового. Так что его сын не принадлежит ни одному из богов.

– Опасно мне лгать – сказал Имрик.

– Мне нечего терять, – ответила ведьма. – Орм сжег моих сыновей в нашем доме, и моя кровь умрет вместе со мной. Я не боюсь ни богов, ни чертей, ни эльфов, ни троллей. А то, что я говорю – правда.

– Что ж, поеду и посмотрю, – сказал Имрик и поднялся. Кольца его кольчуги звякнули друг о друга. Он накинул на себя огромную красную мантию, вышел и вскочил на белого коня.

Подобно порыву ветра или свету луны, он промчался из лесу по полям. Спящая под луной земля, тенистые деревья, громадные холмы, белые от инея луга широко раскинулись перед ним. Под необъятным, покрытым звездами, небом сгущалась темнота. Разные существа двигались в темноте, но это были не люди – он видел отблески глаз дикой кошки, слышал волчий вой и возню маленьких ног под корнями дуба. Они чувствовали, что проезжает граф эльфов и скрывались подальше, во мрак.

Вскоре Имрик достиг двора Орма. Конюшни, сараи и другие строения из грубо срубленного леса образовали стену, окружающую с трех сторон мощенный булыжником двор. На четвертой же его стороне стоял дом, острые концы крыши которого, вырезанные в виде драконов, смотрели в звездное небо. Но Имрик напротив него нашел небольшой домик. Собаки, учуяв его, ощетинились и зарычали. Но прежде чем они могли залаять, он направил на них свой ужасный взгляд, похожий на взгляд слепого, и сделал им знак. Собаки уползли, жалобно скуля.

Он проскакал к дому, подобно легкому ночному ветру. Только ему одному известным способом он открыл окно снаружи и заглянул внутрь. Лунный свет падал на постель, освещал Эльфриду, окрашивая ее разметавшиеся волосы в серебряный облачный цвет. Но взгляд Имрика сосредоточился только на младенце, прижавшемся к ней.

Лицо эльфа было неподвижно, как маска, но внутри он рассмеялся. Он закрыл окно и поскакал назад на север. Эльфрида пошевелилась и проснулась, почувствовав спящего рядом малыша. В ее глазах еще стоял туман тревожных снов.

Глава 3

В те времена народ Фэри все еще населял эту землю, но уже тогда что-то странное нависло над его владениями. Казалось, будто они задержались на полпути между смертным и иным миром; и места, которые днем казались простым одиноким холмом озером или лесом, сейчас светились древним торжественным величием. С давних пор люди избегали этих северных гористых мест, известных как холмы эльфов.

Имрик проехал к Эльхьюфу, который виделся ему не простой скалистой вершиной холма, а замком, с высокими стройными шпилями, бронзовыми воротами, мраморным двором, с комнатами и коридорами, увешанными замысловато украшенными гобеленами из волшебных материй, покрытыми огромными сияющими самоцветами. На зеленой лужайке перед внешними стенами при лунном свете танцевали обитатели замка. Имрик проехал через центральные ворота. Стук копыт коня Имрика разнесся гулким эхом, и ему навстречу выбежали карлики – рабы, встречая хозяина. Он соскочил на землю и поспешил в главную башню замка.

Свет от множества свечей сливался в сплошной поток, сияние замысловатых сплетений цветов мозаики слепило глаза золотом и блеском драгоценных камней. Во все комнаты просачивалась музыка: журчащие арфы, пронзительные трубы и флейты, голосами похожие на горные ручьи. Узоры на коврах и гобеленах медленно двигались, как живые. Во всех стенах и полах, в высоком с крестообразными сводами, проступающими сквозь голубой туман, потолке была какая-то серебряная непостоянность; в каждое мгновение они не походили на себя прежних и в то же время было невозможно объяснить, что именно в них изменилось.

Имрик спускался вниз по лестнице, звон его кольчуги раздавался в тишине. Неожиданно вокруг него стало темно, лишь тускло светил его факел, и воздух древней земли наполнил его легкие холодом. Время от времени лязг металла или вопль проносились по сырым, вырубленным в земле коридорам. Имрик не обращал на них внимания. Он шел вниз, к темнице, передвигаясь, подобно всем эльфам, легко, тихо и свободно.

Наконец он остановился перед дубовой дверью с медными засовами. Она была зеленой от плесени и темной от времени, только у Имрика были ключи от трех больших замков, висевших на ней. Он отпер их, произнося какие – то слова, и распахнул дверь. Она заскрежетала, поскольку триста лет прошло с тех пор, когда он последний раз открывал ее.

В комнате сидела женщина – тролль. На ней была лишь бронзовая цепь, настолько тяжелая, что могла бы служить якорной цепью на корабле, ею женщина была прикована за шею к стене. Свет от факела, светящего из-за двери, падал тусклыми бликами на ее огромную, низкую, с мощными мускулами фигуру. Она была без волос, и зеленая кожа обтягивала ее тело. Когда женщина повернула свою страшную голову к Имрику, в ее пасти сверкнули волчьи зубы. Но ее глаза были пусты, как два черных омута, в которых можно было пропасть. Она уже девятьсот лет была пленницей Имрика и давно была безумна.

Эльф посмотрел на нее, стараясь не встречаться с ее глазами, и мягко сказал:

Нам нужен подменыш, Гора.

Голос женщины тролля был подобен грому, грохочущему в глубинах земли.

– О-о, о-о-о, – сказала она. – Он снова здесь. Добро пожаловать, кто бы ты ни был, ты, пришедший из ночи и хаоса. Ха, никто не сотрет глумливую усмешку с лица космоса?

– Поспеши, – сказал Имрик. – Я должен сделать подмену до рассвета.

– Поспеши, поспеши, осенние листья спешат в осеннем ветре, снег спешит упасть с неба, жизнь спешит к смерти, боги спешат в забвение. – Голос сумасшедшей женщины гремел по коридорам. – Весь прах и пепел унесены бессмысленным ветром, и только сумасшедший может говорить музыкой сфер. Ха, красный петух на навозной куче.

Имрик снял со стены кнут и ударил ее. Она съежилась и легла на пол. Очень быстро, так как противен ему был скользкий, липкий холод ее кожи, он сделал то, что было необходимо. После этого он девять раз обошел ее, напевая песню, которую ни один человек не смог бы повторить. Пока он пел, она дрожала, раздувалась и стонала от боли. И когда он обошел вокруг нее в девятый раз, она закричала так, что у него зазвенело в ушах, и родила человеческого ребенка.

Рожденного человеческий глаз не смог бы отличить от сына Орма, но это существо орало в ярости и кусало свою мать. Имрик перевязал ему пуповину и взял на руки, где оно тут же успокоилось.

– Мир – это тлеющая на черепе плоть, – пробормотала женщина – тролль. Она лязгнула челюстью и перевернулась, ее всю трясло. – Рождение – это не что иное, как размножение трупных червей. Вот уже нет губ, и череп оскалился черными зубами, и вот уже вороны опустошили его глазницы, и скоро ветер будет обдувать его кости. – Она завыла, когда Имрик закрыл дверь. – Он ждет меня, он ждет на вершине, где туман разрывается ветром, девятьсот лет он ждет. Черный ворон…

Имрик запер дверь и задвинул засовы. Имрик не любил подменивать детей, но случай получить человеческого ребенка был слишком редким, чтобы его упускать.

Когда он вышел во двор замка, он увидел, что надвигается плохая погода. Полчища туч двигались по небу, и от этой черноты скрылась луна. От горизонта на востоке надвигался огромный, расчерченный руками молний, шторм. Ветер выл и свистел.

Имрик вскочил в седло и помчал своего коня на юг. Они мчались через холмы и скалы, по долинам и среди деревьев, раскачиваемых поднявшейся бурей. В проблесках слабого лунного света, разбросанных редкими бликами по миру, Имрик походил на призрака.

Он спешил, его мантия развевалась ветром и походила на крылья летучей мыши. Его глаза и кольчуга сверкали лунным светом. Когда он проезжал по берегам страны датского Закона, был прибой, вода с грохотом обрушивалась на прибрежные камни у его ног, и он чувствовал капли воды у себя на щеках. Время от времени вспышка молнии освещала бурлящую пустыню вод. Затем в наступившей темноте, с каждым разом все сильнее, раздавался гром с гулом и скрежетом несущихся по небу громадных колес. Имрик гнал своего коня с бешеной скоростью. Ему не хотелось встречаться с Тором в этой темноте.

Заехав во двор Орма, он снова открыл окно в комнату Эльфриды. Она не спала и прижимала ребенка к груди, стараясь шепотом успокоить его. Ветер ослепил ее, разметав волосы, которые закрыли ей глаза. Эльфрида решила, что это ветер каким-то образом открыл окно.

Белым светом сверкнула молния. Затем раздался похожий на удар молота гром. Эльфрида вдруг почувствовала, что ребенок ускользает из ее рук. Хватая руками воздух, она вновь ощутила его тяжесть на руках, будто кто-то положил его на них.

– Спасибо тебе, Господи! – простонала она. – Я уронила, но снова поймала тебя, мой маленький.

Громко смеясь, Имрик поскакал домой. Но вдруг он услышал, что его смеху вторят какие-то другие звуки; он придержал коня, внутри у него все похолодело. Между туч прорвался свет луны и озарил фигуру, скачущую галопом по тропе, на которой находился Имрик. Ему удалось разглядеть на огромном девятиногом коне, легко скачущем против ветра, всадника с длинной серой бородой, в шляпе. Лунный свет блеснул на острие копья и в его единственном глазу.

– Эй-э-гей-эге-гей! – Он шел со своим войском мертвых солдат и воющих охотничьих собак. Его рог звал их; стук копыт прозвучал подобно дроби града по крыше. Войско прошло, и дождь обрушился на землю.

Имрик плотно сжал губы. Дикий Охотник не предвещал увидевшим его ничего хорошего, Имрик даже и не думал, что ему удастся так близко встретиться с одноглазым Охот-

ником. Скорее нужно ехать домой. Вокруг блистали молнии: Тор мог запустить свой молот в любого. Имрик, держа сына Орма под мантией, вонзил шпоры в бока своего скакуна.

Эльфрида огляделась, прижала крепко к себе вопящего ребенка. Его нужно успокоить и накормить. Но он не сосал, а кусал ее грудь до боли.

Глава 4

Имрик назвал украденного ребенка Скэфлоком и отдал его на воспитание своей сестре по имени Лиа. Она была так же красива, как и ее брат, у нее были тонкие черты лица. Распущенные волосы, отливающие то золотом, то серебром, падали из-под украшенной драгоценными камнями короны, и в глазах ее были те же, по-лунному голубые сумерки, что и у Имрика. Ее сотканные из паутины одеяния развевались вокруг ее стройного тела, и, когда она танцевала, казались белым пламенем. Она улыбнулась младенцу своими полными губами, и молоко, которым она накормила его, разлилось сладким огнем по его венам.

Много господ Эльфхайма пришли на пир, посвященный именинам, они принесли множество даров: искусно сделанные кубки и кольца, выкованное троллями оружие, кольчуги, шлемы, щиты, одежды из парчи, сатина и золота, амулеты и талисманы. Поскольку эльфы, подобно богам, троллям, великанам и другим существам, не знали старости, они имели мало детей, а разница в возрасте тех, которых имели, исчислялась сотнями лет. Поэтому появление ребенка было большим событием, к тому же особенно почетным считалось вырастить человеческого ребенка.

Пир был уже в разгаре, когда вдруг послышался страшный стук копыт, приближающийся к замку. Наконец затряслись стены, загудели медные ворота, часовые начали дуть в свои трубы, но и без того ни у кого не было желания вставать на пути этого всадника, и сам Имрик встретил его у входа с низким поклоном.

Глаза всадника блестели ярче кольчуги и шлема надетых на его могучую красивую фигуру. Земля тряслась под поступью его лошади.

– Приветствую тебя, Скирнир, – сказал Имрик. – Твой визит для нас большая честь.

Посланник Эзира въехал на залитые лунным светом плиты. На боку у него висел меч, блистающий, как само солнце. Это был меч Фрейра, данный Скирниру на время его поездки за Герд из Ютландии. В руках у него был другой меч, длинный и широкий, он был не ржавый, хотя все еще черный от земли, в которой он очень долго лежал. Этот меч был сломан пополам.

– Я принес дар для твоего приемного сына, Имрик, – сказал гость. – Храни этот клинок в порядке, а когда твой сын вырастет настолько, что сможет взмахнуть им, скажи ему, что великан Больверк может сделать этот меч вновь целым. Настанет день, когда Скэфлок будет очень нуждаться в хорошем оружии, и тогда дар Эзира придется как раз ко времени.

Он бросил сломанный меч на пол, развернул своего коня и исчез под оглушительный грохот копыт в ночи. Эльфы стояли в тишине, они понимали, что, делая этот дар, Эзир преследовал какие—то свои цели, но Имрику ничего не оставалось, как подчиниться.

Никто из эльфов не мог дотронуться до меча, и Имрик позвал своих рабов – карликов и заставил их забрать оружие. Следуя за ним, они отнесли меч в самое глубокое подземелье и замуровали его в стене рядом с темницей Горы. Имрик отметил место руническими знаками и долгое время после этого избегал его.

Шли годы, но от богов больше не было никаких вестей.

Скэфлок рос очень быстро, он был здоровым мальчиком, большим и веселым, с голубыми глазами и рыжевато-коричневыми волосами. Он был шумнее и энергичнее детей эльфов и рос настолько быстрее их, что, когда он уже был мужчиной, они еще совершенно не изменились. Эльфы не имели обыкновения показывать детям свою любовь к ним, но Лиа не могла скрыть своих чувств к Скэфлоку. Она пела ему песни, похожие на море, ветер и шелестящие ветви. Она учила его изысканным манерам эльфов – господ, а также пляскам Корибантов, которые они танцевали босыми по росе, пьяные от лунного света. Некоторые из его колдовских знаний он получил от нее: песни, которые могли ослеплять, затуманивать и

манить, песни, которые могли двигать камни и деревья, песни без звука, под которые нимфы танцевали зимними ночами.

У Скэфлока было счастливое детство, которое прошло в играх с молодыми альфами и их друзьями. Их много обитало на вершинах и узких горных долинах; это было царство колдовства, и смертные люди или звери, зашедшие туда, редко возвращались. Не все жители этого царства были безопасны и дружелюбны, и Имрик дал указание нескольким своим слугам следовать за Скэфлоком повсюду.

В туманах водопадов кружились феи, их голоса звенели, отражаясь эхом от утесов; Скэфлок едва различал их сквозь туман, их грациозные светящиеся тела были окружены радугами, как ореолами. Но в лунные ночи, привлеченные, как и другие жители Фэри, белым сиянием, они появлялись и сидели вдоль покрытых мхом берегов обнаженные, лишь с травой и гирляндами водных лилий в волосах, и тогда дети эльфов могли с ними разговаривать. Феи могли многое рассказать: о текущих реках и рыбах, обитающих в них, о лягушках, выдрах, зимородках и о том, что они рассказывали друг другу. О залитом солнечным светом дне рек и о тайных прудах, вода в которых была спокойная и зеленая, и о стремлении водопадов, сияющих радугой, с гулом обрушиться и завертеться водоворота ми.

Были и другие водные места, на которых Скэфлоку советовали не появляться, болота и черные озера не сулили ничего хорошего.

Часто он бывал в лесу и говорил с маленьким народом, живущим там, – робкими гномами, в серых и коричневых одеждах и длинных колпаках, с бородами до пояса, похожими на бороды людей. Гномы жили среди уюта ветвей больших деревьев и всегда были рады встрече с детьми эльфов, но они боялись взрослых эльфов и радовались тому, что ни один из них не сможет пролезть в их жилище, если, конечно, не уменьшится до размера гномов, чего ни один из этих внушающих страх эльфов ни разу не удосужился сделать.

Неподалеку жило несколько кобольдов. Когда-то они славились могуществом в этих землях, но когда пришел Имрик с огнем и мечом, то те, что не были убиты или вытеснены в другие земли, были лишены прежней силы. Теперь они жили тайно в пещерах, но Скэфлок завел дружбу с одним из них и через него приобрел многие знания кобольдов.

Однажды мальчик услышал звуки свирели далеко за лесом, он был поражен их печалью и поспешил в долину, откуда они доносились. Скэфлок научился бесшумно передвигаться, так что предстал перед существом до того, как оно успело его заметить. Это было странное создание, похожее на человека, но с ушами, ногами и рогами, как у козла. Свирель существа издавала звуки, которые были так же печальны как и его глаза.

– Кто ты? – спросил в изумлении Скэфлок.

Существо опустило свирель. Казалось, оно готово было убежать, но лишь вздохнуло и село на бревно.

– Я фавн, – сказал он со странным акцентом.

– Я никогда не слыхал о таком, – Скэфлок сел на траву, скрестив ноги.

В сумерках фавн печально улыбнулся. Первая звезда зажглась над его головой.

– Здесь нет никого из моего рода, кроме меня. Я – изгнанник.

– Откуда ты пришел, фавн?

– Я пришел с юга после того, как умер великий Пан и новый бог, чье имя я не могу произносить, появился в Геллас. Для прежних богов и прежних существ, проживавших в наших землях, больше не осталось места. Священники вырубили священные леса… О, я помню крики дриад, к которым они остались глухи, крики, которые дрожали в жарком, вязком воздухе, как бы желая остаться в нем навсегда. Они все еще звенят у меня в ушах и будут звучать вечно. – Фавн покачал кудрявой головой. – Я бежал на север, но думаю, не были ли мудрее меня мои товарищи, которые остались, боролись и были сражены заклятиями. Я уже давно одинок. – Слезы сверкнули в его глазах. – Нимфы, фавны и боги превратились во прах.

Храмы стоят пустые и день за днем превращаются в руины. И вот я… я скитаюсь в одиночестве, по чужой земле, презираемый ее богами и избегаемый ее людьми. Это страна туманов, дождей, жестоких зим, сердитых серых морей и бледного солнечного света, прорывающегося сквозь тучи. Нет больше лазурной воды и пологих холмов, нет больше маленьких скалистых островов и милых сердцу теплых лесов, где нас ждали нимфы, нет больше виноградных лоз и фиговых деревьев, тяжелых от плодов, нет больше величественных богов – ничего этого больше нет на высоком Олимпе…

Фавн замолчал, весь напрягся, пошевелил ушами и прыгнул в кусты. Скэфлок огляделся и увидел своих охранников, приближавшихся, чтобы забрать его домой.

Но чаще он был предоставлен лишь самому себе. Он мог находиться в дневном свете, которого народ Фэри избегал, и Имрик не видел никакой опасности для него в вещах, которые были опасны для смертных людей. Он путешествовал гораздо чаще и дольше других детей эльфов и знал места, в которых бывал, лучше человека, прожившего там всю жизнь.

Из диких зверей наиболее дружелюбными к эльфам были лисы и выдры: считалось, что с эльфами они каким-то образом в родстве. Эльфы знали их язык (вернее то, что можно было назвать языком). От лисы Скэфлок узнал скрытые тропы лесов и лугов, научился различать следы в тенистом лесу и множество других крошечных знаков, которые могли много рассказать тому, кто умел видеть и слышать. От выдры он узнал о мире озер и потоков, научился так же, как она, плавать и прятаться за предметами, которые едва скрывали половину его тела.

Но не хуже Скэфлок знал и других зверей. Самые пугливые из птиц прилетали и садились ему на руки, когда он свистел на их языке. Медведь ворчал слова приветствия, когда он вступал в его берлогу. Олени, лоси, кролики, куропатки старались не встречаться с ним после того, как он занялся охотой, хотя с некоторыми из них у него был заключен мир. Но история обо всех его скитаниях среди зверей будет слишком длинной.

Годы шли своим чередом, он рос. Он бывал окружен по-весеннему робким, зеленым светом, когда леса пробуждались и становились шумными от криков возвращающихся в них птиц, реки звенели тающим льдом и несколько белых цветков, выросших среди мха, казались еще не успевшими растаять хлопьями снега. Лето видело его обнаженным, с потемневшей кожей и побелевшими от солнца волосами, в погоне за бабочками взбирающимся на высокие холмы и затем ради смеха скатывающимся с них вниз по траве; или же гуляющим светлыми ночами которые были призрачными воспоминаниями дня, со звездами над головой, стрекочущими сверчками и сережками сверкающей под луной росы. Проливные осенние дожди омывали его, или же он сплетал венок из ярких как пламя, листьев и стоял в холодном воздухе, переполненном криками улетающих птичьих стай. Зимой он легко бегал среди сугробов или же лежал, припав к земле, среди бурелома, пока бушевал ураган и стонали деревья; иногда он стоял на залитом лунным светом снежном поле и слушал, как трещит от мороза лед на озере, как звуки эти разносятся по всему полю среди холмов.

Глава 5

По мере того как мускулы у Скэфлока крепли, Имрик начал привлекать его к делу, сначала изредка, а затем все чаще и чаще, пока он не стал настоящим воином земли эльфов. Ограниченные короткой жизнью, люди усваивали все быстрее, чем жители Фэри, и знания Скэфлока крепли еще быстрее, чем его тело.

Он научился ездить верхом на лошадях Эльфландии, белых и черных скакунах и кобылах, необычайно красивых, быстрых и неутомимых как ветер и вскоре они несли его галопом от Кэйтнисса до края земли, И ветер свистел в его ушах. Он научился пользоваться мечом, копьем, луком и топором. Он был не так быстр и гибок, как эльфы, но по силе он превосходил любого из них и мог нести военное снаряжение столько дней, сколько было необходимо, а что касается красоты, то любой смертный выглядел бы рядом с ним уродом.

Он много охотился один или в компании Имрика и его слуг. Много рогатых оленей пало под топором Скэфлока, много клыкастых кабанов погибло от его копья. Была и другая забава, похитрее: охота на бешено несущихся через леса и скалы единорогах и грифонах, которых Имрик привел для забавы с края света.

Скэфлок научился также манерам эльфов, их величественности их постоянной загадочности и их изысканной речи. Он мог танцевать под аккомпанемент арфы и свирели в льющемся дождем лунном свете, обнаженный и беззастенчивый, как самый дикий из них. Он умел сам на них играть и петь старинные баллады, которые были древнее человека. Он выучился искусствам скальдов настолько хорошо, что мог говорить стихами, как обычным языком. Он знал все языки Фэри и три языка людей. Он знал толк в яствах эльфов, в жгучих напитках, хранящихся в покрытых паутиной бутылках под замком, но, несмотря на это, у него не притупился вкус к охотничьему черному хлебу и соленому мясу, к дождливо-солнечно-земному аромату ягод и родниковой воде.

После того как у него начала расти борода, женщины – эльфы стали уделять ему больше внимания. Не зная трепета перед богами и имея мало детей, эльфы не жили в супружестве, но такова была их природа, что их женщины более, а мужчины менее склонны к любовным утехам, нежели люди. Он пользовался большой благосклонностью у женщин и много времени отдавал им.

Но наиболее трудной и опасной частью его обучения было обучение магии. Здесь он был всецело под опекой Имрика, поскольку был готов пойти дальше простеньких заклинаний, которые с безопасностью для себя мог бы использовать ребенок. Хотя из-за своего человеческого происхождения и короткой жизни он не был способен выучиться столь глубоко, как Имрик, он стал так же сведущ в этом искусстве, как большинство вождей эльфов. Сначала он научился избегать железа, которого ни эльфы, ни тролли, ни кобольды не могли переносить, но, когда ему сказали и он сам увидел, прикоснувшись к гвоздю в доме человека, что оно для него безвредно, он оставил эту привычку. Затем он выучил руны, которые залечивали раны и болезни, отводили беду и приносили несчастья врагу. Он научился песням, которые могли вызвать или прекратить бурю, принести хороший или плохой урожай, разбудить гнев или поселить мир в душе смертного. Он научился очищать от руды неизвестные людям металлы, которые отливались в Фэри вместо стали. Он научился пользоваться покровом темноты и шкурами зверей, которые он мог надеть и принять вид животного.

Под конец своего обучения он узнал руны, песни и заклинания, которые могли принести смерть, с помощью которых можно было предсказать будущее, подчинить себе богов; но за исключением самых крайних случаев никто не решался их применять, не рискуя быть уничтоженным ими же. Скэфлок часто спускался к морю, он мог просиживать возле него часами, глядя на туманную линию, где вода встречалась с небом, ему никогда не на доедал

ни его мощный шум, ни соленый привкус его вод, ни его просторы, населенные ветрами, ни его переменчивость. Он произошел от рода мореплавателей, и море было у него в крови. Он разговаривал с чайками на их лающем языке, а они кружили у него над головой и приносили ему вести со всех концов земли. Иногда, когда он бывал на берегу с другими воинами, из морской пены появлялись русалки, выходили на берег и выжимали свои зеленые волосы, и тогда начиналось веселье. Они были холодные и мокрые на ощупь и пахли водорослями, потом с губ Скэфлока долго не выветривался тошнотворный привкус рыбы, но они все равно ему нравились.

Пятнадцати лет от роду он был ростом почти с Имрика, широкоплечий, с крепкими мускулами, с длинными, цвета соломы, волосами, лежащими на его темной коже. У него было прямое, с грубыми чертами лицо, большой рот, легко растягивающийся в улыбку, громадные, широко расставленные темно-голубые глаза. Обычный смертный, не прошедший школы, которую он прошел, сказал бы, что была какая-то тайна, скрывающаяся в его глазах, которые видели больше, чем глаза обычного человека, и выдающая себя в его походке леопарда.

Имрик сказал ему

– Ты уже взрослый и тебе нужно не мое старое, а свое собственное оружие, и к тому же меня призывает к себе Эрлкинг. Мы поплывем за моря.

Услышав эти слова, Скэфлок побежал по полям, крича и кувыркаясь, затем погнал свою лошадь бешеным галопом через земли людей, колдуя по дороге просто из желания что-нибудь сделать. Он заставлял горшки танцевать на плите, колокола звонить на колокольнях, топоры рубить дрова, его песни загоняли коров на крышу дома землевладельца, заставляли ветер разносить его сено по всему графству и обрушивались с небес золотым дождем на его двор. Он целовал девушек, работающих в сумерках полей, приводил в беспорядок их волосы, сталкивая их мужей в канавы. Несколько дней после этого шли службы, дабы погасить вспышку колдовства, но к тому времени Скэфлок был уже в море.

Черный корабль Имрика быстро шел под парусами, надутыми ветром, который поднял сам Имрик. Его команда состояла из воинов-эльфов, поскольку он допускал возможность встречи с троллями и морскими чудовищами. Скэфлок стоял на носу корабля, вырезанном в виде дракона, и жадно вглядывался вдаль, еще в детстве ему было дано особое волшебное зрение, и он мог видеть ночью так же хорошо, как днем. Он заметил дельфинов, серебряно-серых под светом луны, и поздоровался со старым тюленем, которого он знал. Как-то раз проплыл кит, вода шумела вокруг него. Вещи, которые обычные смертные моряки могли увидеть только мельком или во сне, были обычными для темных, быстрых глаз эльфов и для Скэфлока: морские русалки, кружащиеся и поющие среди пены, затонувшая крепость Айз, быстрые вспышки белого и золотого цвета и призывный пронзительный крик сокола над головой – это валькирии спешили на какое-то сражение на востоке.

До рассвета судно достигло другого берега, было вытащено на сушу и укрыто от глаз заклинаниями.

Эльфы укрылись под навесом на корабле, но Скэфлок большую часть дня провел снаружи. Он залез на дерево и с любопытством смотрел на вспаханную землю, простирающуюся к югу. Дома здесь были не такие, как в Англии. Среди них стоял мрачный, серый замок барона. Скэфлок подумал с сожалением о скучных жизнях, протекающих во мраке его стен.

Когда прошла ночь, эльфы оседлали лошадей, которых они привезли с собой, и поскакали вглубь страны. К полночи они были в горах, где лунный свет отражался серебром и огромными тенями от скал, утесов, и далекого зеленого свечения ледников. Эльфы ехали по узкой тропе, доспехи звенели, копья были подняты вверх, накидки развевались ветром. Стук копыт отлетал от камней и проносился эхом по дикой ночи.

Сверху хрипло протрубил рог, затем еще один внизу. Эльфы услышали лязганье металла и топот ног. Когда они дошли до конца тропы, они увидели войско карликов, стоящее в боевых порядках у входа в пещеру.

Эти кривоногие существа едва достигали пояса Скэфлока, но у них были широкие плечи и длинные руки. Их черные, бородатые лица были сердиты, их глаза сверкали из-под бровей. В руках у них были мечи, топоры и щиты из железа. Над таким войском эльфы уже однажды одержали победу своими копьями и стрелами, благодаря своей быстроте, ловкости и хитроумным планам.

– Что вам нужно? – прокричал главный. – Не достаточно ли уже эльфы и тролли принесли нам несчастий, разоряя наши земли, уводи наших людей в рабство? На этот раз наши силы больше ваших, и, если вы подойдете ближе, мы вас убьем.

– Мы пришли с миром, Модсогнир, – сказал Имрик. – Мы хотим лишь купить у вас ваши изделия.

– Я знаю твое коварство, Имрик Вероломный – прохрипел Модсогнир. – Вы хотите застать нас врасплох.

– Я оставлю вам заложников, – предложил эльф, и с этим король карликов неохотно согласился. Несколько эльфов остались, разоруженные, в окружении карликов, остальных же Модсогнир впустил в пещеры.

Огни горнов окрашивали скалистые стены пещеры кровавым тусклым светом и всюду над наковальнями беспрестанно трудились карлики. Их молоты взлетали вверх и звенели. Скэфлок вопросительно промычал. Здесь изготовлялись самые искусные вещи в мире: кубки и чаши, украшенные драгоценными камнями, золотые кольца и ожерелья самых причудливых форм; оружие выковывалось из металлов, добытых из сердцевины горы; оружие под стать богам – и действительно, карлики работали для богов, и другое оружие, предназначенное для зла. Могущественными были заклятия и руны, которые карлики могли наносить на металл, и тяжелым было искусство, которым они овладели.

– Я хочу, чтобы вы сделали оружие для моего сына, сказал Имрик.

Крошечные глаза Модсогнира смотрели на высокую фигуру Скэфлока в мерцающем свете. Ею голос прохрипел среди стука молотов: – Да… ты снова принялся за свои старые штучки с подменами, Имрик? Когда-нибудь ты превзойдешь самого себя. Ну а поскольку это человек, он, наверное, захочет стальное оружие.

Скэфлок колебался. Осторожность, приобретенная с годами, преодолевается не сразу. Но он уже давно знал, что это должно было произойти. Бронза была слишком мягкой, а секретные сплавы эльфов слишком легкими для его растущей силы.

– Да, стальное, – сказал он сухо.

– Прекрасно, прекрасно, – Пробормотал Модсогнир и повернулся к своей наковальне. – Позволь мне сказать тебе, мальчик, что вы, люди, будучи слабыми, и ограниченные короткими жизнями, сами того не сознавая, сильнее и эльфов, и троллей, да-да, и великанов, и богов. И то, что вы можете дотронуться до холодного железа, – только одна из причин. Эй, – крикнул он, – Эй, Сиидри, Текк, Драуттнир, идите сюда и помогите!

Быстро заработали молоты, летели искры, стонал металл. Эти кузнецы умели так работать, что прошло немного времени и Скэфлок стоял в шлеме с крыльями, в сияющей кольчуге, со щитом за спиной, с мечом на боку и с топором в руках все это было из сверкающей голубым светом стали. Он поднял высоко свое оружие и прокричал воинственный клич эльфов.

– Ха! – вопил он, вкладывая меч в ножны. – Пускай тролли, кобольды, ха, великаны только осмелятся сунуться в землю эльфов. Мы поразим их подобно удару молнии и предадим огню их собственные земли!

И он сложил стих:

Началась мечей игра, только свист в горах. Лязг металла призывает, звоном в небеса летя: стрелы гневные снуют, Топоры, взлетая вверх, грозно падают на шлемы, латы и щиты ломая. Началась мечей игра: копья сыплются дождем, люди в ярости бегут, разрушал строй врагов, наконец стихает битва, топоры краснеют кровью, жадно волки с вороньем пожирают трупы.

– Хорошо сказано, правда, немного по-мальчишески, – холодно сказал Имрик, – но никогда не применяй свои новые игрушки против эльфов. Пойдем.

Он отдал Модсогниру мешок с золотом.

– Это плата за твою работу.

– Лучшей платой для меня было бы освобождение моих родичей из вашего рабства, – сказал карлик.

– Они так нам нужны, – сказал Имрик и вышел.

На рассвете его войско укрылось в скале и следующей ночью въехало в огромный лес, в котором находился замок Эрлкинга.

Колдовство здесь сплеталось узорами, которые Скэфлок пока не мог распутать. Он смутно различал высокие, тонкие башни, подпирающие луну, синие сумерки, в которых кружились и плясали звезды, музыку, которая трогала и добиралась до самой души, но только когда они оказались в тронном зале, он смог все ясно слышать. И видеть.

Окруженный своими слугами, на троне сидел Эрлкинг. Его корона и скипетр были золотыми, его розовые одеяния сливались со всеобъемлющими сумерками. Его борода и волосы были белы, он был единственный среди эльфов, на челе и щеках которого были видны морщины старости. Лицо его было будто вырезано из мрамора, но в глазах его горел огонь.

Имрик отвесил поклон, а воины его свиты преклонили колено перед своим королем. И тогда, точно ветер загудел, Эрлкинг произнес:

– Приветствую тебя, Имрик, граф эльфов Британии.

– Приветствую тебя, повелитель, – ответил граф, встречая пристальный, наводящий ужас взгляд Эрлкинга.

Мы созвали вождей наших кланов на совет, сказал Эрлкинг, – ибо до нас дошла весть, что тролли опять готовы к войне. Нет сомнений, что они вооружаются против нас, и можно думать, что перемирие будет нарушено в ближайшие годы.

– Хорошие вести, повелитель. Наши мечи залежались в ножнах.

– Эти вести, быть может, не так уж и хороши, Имрик. В прошлый раз мы прогнали троллей, и, хотя нам даже удалось вторгнуться в их земли, прочного мира нет. Иллрид, король троллей, совсем не так глуп. Он не стал бы готовиться к войне, если бы не чувствовал себя сильнее прежнего.

– Я начну готовить мои владения к войне, повелитель, и вышлю разведчиков.

– Хорошо. Быть может, твои люди узнают что-нибудь из того, что упустили наши. – И Эрлкинг взглянул на Скэфлока, который внутренне похолодел, но тем не менее смело встретил его огненный взор. – До нас дошел слух о твоем подменыше, Имрик, – проворчал Эрлкинг. – Тебе следовало бы сначала испросить нашего дозволения.

– Не было времени, повелитель, – возразил граф. – Дитя окрестили бы прежде, чем я успел послать весть и получить ответ. Трудно стало похитить ребенка в наши дни.

– И кроме того, опасно, Имрик.

– Да, повелитель, но дело стоило того. Нет нужды упоминать, что люди могут многое из того, что недоступно ни эльфам, ни троллям, ни гоблинам. Они могут пользоваться любыми металлами, они могут дотрагиваться до святой воды, ходить по освященной земле и произносить имя нового Бога, э, да что там, сами старые боги должны избегать некоторых вещей, которые дозволены людям. Потому-то нам, эльфам, и необходим один из них.

– Подменышу, которого ты подбросил людям, все это тоже доступно?

– Конечно, повелитель. Но ведь тебе ведомо, что такие полукровки по своей природе злы и необузданны. Они не могут быть посвящены в те тайны волшебства, в которые был посвящен мой воспитанник. Главное, чтобы люди не знали о похищении своих детей и не призвали мести своих богов на головы эльфов за эти подмены.

До сих пор беседа о всем понятных вещах текла в неспешной, как это в обычае у бессмертных, манере. Но вот Эрлкинг заговорил резче:

– Можно ли доверять человеку? Если сохранить ему жизнь, он переметнется к новому Богу и будет вне нашей досягаемости. Тем более, что он растет слишком сильным.

– Нет, повелитель. – Скэфлок вышел на середину высокого собрания и взглянул прямо в лицо Эрлкингу. – Я благодарен Имрику за то, что он похитил меня из мира смертных слепцов. Я эльф во всем, и пусть я не эльф по крови, но грудь эльфийской женщины вскормила меня, и язык эльфов – мой язык, и эльфийские девушки любили меня. – Он почти дерзко вскинул голову. – Подари мне жизнь, повелитель, и я буду лучшим из твоих псов, – помни, когда хозяин прогоняет собаку, она становится волком и способна растерзать его стада.

Некоторые эльфы были поражены такой дерзостью, но Эрлкинг, кивнув головой, мрачно улыбнулся.

– Мы верим тебе, – сказал он, – и прежде бывало, что юноши, усыновленные в Эльфхайме, становились его отважными воинами. Но нас тревожит дар, который Эзир прислал тебе в день наречения. Видно, есть у них какая-то цель, и боюсь, она не похожа на нашу.

Собравшиеся вздрогнули, и кое-кто зачурался, начертив в воздухе руны. Но Имрик сказал в ответ:

– Повелитель, в том, что предначертано Норнами, не властны и сами боги. И стыдным для себя почитал бы я лишиться самого многообещающего из своих воинов, убоявшись глухих страхов будущего.

– Быть по сему – согласно кивнул Эрлкинг, и совет перешел к другим вопросам.

Как только совет эльфийских князей закончился, начался разгульный пир. От великолепия королевского двора у Скэфлока голова пошла кругом. Когда, в конце концов, он вернулся домой, его жалость и презрение к людям стали так велики, что долгое время после того он их даже не хотел видеть.

Прошло еще с полдюжины лет. Эльфы совсем не менялись, но Скэфлок вырос настолько, что гномам бывшим в рабстве у Имрика, пришлось переделывать его доспехи. Он стал выше ростом и шире в плечах, чем граф эльфов, и сильней любого мужчины в округе. Он с голыми руками ходил на медведей и диких быков и мог догнать оленя на бегу. Ни у кого во всем Эльфхайме не хватило бы сил согнуть его лук или взмахнуть его секирой, и не только потому, что она была выкована из железа.

Уже длинные пшеничные усы украсили его худощавое лицо, но он оставался все таким же веселым и необузданным любителем буйных шалостей и опасных затей, всегда готовым выпить, пошуметь и наколдовать смерч, только для того, чтобы задрать юбку у девчонки. Скэфлок не раз отыскивал в трясинах чудищ из рода Гренделя и сражался с ними насмерть, получая страшные раны, которые только Имрик умел исцелить своей волшебной силой, однако и раны не могли остановить его. Но бывало, он подолгу валялся на траве и, не шевелясь, праздно глядел на бегущие облака. А то вдруг в образе зверя, чуя недоступное человеку, он обшаривал воды и дебри, то ныряя выдрой, то рыща волком, то коршуном когтя добычу.

– Три вещи мне неведомы, как-то похвастался Скэфлок, – страх, поражение и любовный недуг.

– Слишком ты молод, – холодно сказал Имрик, – и не знаешь, что на этих трех вещах основана жизнь человека.

– Я более эльф, чем человек, приемный отец.

– Да, ты таков пока…

Однажды Имрик снарядил дюжину людей и отправился в поход. Эльфы пересекли Восточное море и принялись грабить гоблинов, живущих на скалистом побережье. Затем они сошли на берег и напали на поселение троллей в глубине страны. Оно было сожжено, после того как эльфы перебили обитателей и захватила их добро. Война еще не была объявлена, но такие набеги, как проба сил, часто устраивали обе стороны. Потом Имрик и Скэфлок пошли со своим войском на север, откуда по вернули на восток по холодному белому морю среди туманов и плавучих льдов, потом, обогнув мыс и пройдя проливом, отправились на юг. Там они сражались с драконами и демонами той страны. Дальше они пошли вдоль побережья на запад и там, где оно поворачивало на юг, снова пошли на север. Самую тяжелую битву им пришлось выдержать на пустынном прибрежье с отрядом изгнанных богов, ослабевших и обезумевших от одиночества, но все еще наделенных страшной силой. В этом бою сгорели три их корабля и никто с них не спасся, но все же Имрик вышел победителем.

Иногда эльфы встречали людей, но не обращали на них внимания, их интересовали только обитатели страны фэри. Они проходили мимо, невидимые смертным очам, разве только мелькнув в них пугающей вспышкой. Не везде им приходилось сражаться, во многих странах они были желанными гостями и во время стоянок торговали с местными жителями. Через три года после отплытия корабли пришли домой, нагруженные товарами и пленниками. Имрик и Скэфлок вернулись со славой, и молва об их путешествии разнеслась по всей земле эльфов и сопредельным странам.

Глава 6

Ведьма продолжала жить в чаще леса в полном одиночестве, общаясь только со своими воспоминаниями, и долгие годы они пожирали ее душу, наполненную ненавистью и жаждой мести. Стремясь стать сильней, чтобы отомстить, она вызывала духов земли и беседовала с демонами ветров, и они многому научили ее. И вот она полетела, оседлав помело, на шабаш на Брокене. Ветер развевал ее лохмотья. Жутким было это празднество, на котором древние страшные твари пели гимны у черного алтаря и упивались кровью, но, наверное, ужасней всех были молодые женщины, предававшиеся там чудовищным обрядам и отвратительным соитиям.

Оттуда она вернулась мудрей, чем была до того и с помощником – злым духом в виде крысы. Эта крыса пила кровь из ее иссохшей груди, а ночью забиралась под подушку и нашептывала на ухо спящей. В конце концов ведьма решила, что у нее достаточно сил вызвать того кого она так страстно желала видеть.

Громом и молниями наполнилась ее хижина, голубым мерцанием и запахом серы, но появившаяся при этом тень, перед которой простерлась ведьма, была по своему прекрасна, как прекрасен грех в глазах того, кто предается ему по доброй воле.

О ты, Многоименный, Князь Тьмы, Недобрый Спутник, – возопила ведьма. – Исполни мое желание, и я заплачу тебе твою всегдашнюю цену.

И тот, к кому она воззвала, ответил ей тихим и мягким, но настойчивым голосом:

– Ты далеко прошла по моей дороге, но еще не всецело принадлежишь мне. Милосердие Небес безгранично, и только добровольно отвергнув их волю, ты будешь потеряна для него.

– Что мне в милосердии? Оно не отомстит за моих сыновей. Я готова отдать тебе свою душу, если ты предашь моих врагов в мои руки.

– Этого я сделать не могу, – ответил гость. Но я тебе помогу обольстить твоих врагов, если только твое коварство превзойдет их силы.

– Этого мне достаточно.

– Но вспомни, разве ты уже не отомстила Орму? Разве не твоих рук дело то, что у него подменили старшего сына, и это может обернуться для Орма большой бедой?

– Старший сын Орма благоденствует в Эльфхайме, да и другие его дети спокойно растут. Я хочу истребить его поганое семя дотла, подобно тому, как он уничтожил моих детей. Ни небесные боги, ни тот, чьего имени мне лучше не произносить, не помогут мне, а потому ты, Черный Владыка, будь моим другом.

Она почувствовала на себе тяжелый взгляд, в котором вспыхивали ледяные огоньки.

– И сами боги тут не властны, – прошептал тихий голос – тебе самой это известно. Один, прозревающий судьбы людские не спеша творит свою волю… Но я помогу тебе. Я наделю тебя силой и знанием, дабы стала ты могущественной колдуньей. И я научу, как тебе наверняка поразить своих врагов, если только они не мудрей, чем ты думаешь. Есть в мире три Силы, и ни богам, ни духам ни людям не устоять против них, их не одолеть ни колдовством, ни превозмочь мощью – это Белый Христос, Время и Любовь. От первой ты можешь дождаться только гибели своих затей, и смотри чтобы ни Он, ни Его люди не оказались на твоем пути. Ты избегнешь Его, если будешь помнить, что Небеса оставили малым сим свободу воли, а потому и не гонят их на свои пути; даже чудеса, и те дают человеку не более чем возможность. Вторая, у которой имен больше, чем у меня самого, – Рок, доля, Закон, Норны, Необходимость, Брахма и иные, без числа, – к ней не стоит взывать, она не услышит. Тебе не дано понять, как она существует вместе с той свободой, о которой я говорил, так же как и то, что в мире одновременно есть старые и новые боги. Но чтобы овладеть великим знанием,

ты должна размышлять об этом до тех пор, пока сердцем не поймешь, что у истины столько же ликов, сколько умов стремится постигнуть ее. А третья Сила – Сила смертная, может она и помешать и помочь, но только к ней ты должна прибегнуть.

Ведьма поклялась особой клятвой, и ей было сказано, где и как получить то знание, которого она жаждала. Ее гость покинул хижину, и когда она поглядела ему вслед, нисколько не был похож на того, кого она видела в своем доме. Это был высокий мужчина, удалявшийся быстрыми шагами, несмотря на то, что его длинная борода совсем посидела. Он был закутан в плащ, вооружен копьем, и на лице, затененном широкополой шляпой, казалось, был один глаз. Она вспомнила о том, кто славился своим коварством, кто обманывал и оборачивался, странствуя по свету, и задрожала.

Но едва он отошел настолько, что ведьма уже не могла его ясно видеть в обманчивом свете звезд, как она перестала размышлять о своих нелегких сомнениях и вся отдалась мыслям об утратах и будущей мести.

За исключением того, что подменыш был существом буйным и шумливым, он ничем не отличался от обычного младенца, и хотя Эльфриде пришлось немало с ним повозиться, ей и в голову не могло прийти, что это вовсе не ее сын. По желанию Орма она окрестила дитя Вальгардом, и пела ему, и играла с ним, и радовалась ему. Но ребенок так больно кусался, что выкормить его было настоящей мукой.

Орм обрадовался, когда, вернувшись домой, обнаружил, что у него родился такой красивый сильный мальчик.

– Он станет великим воином, – воскликнул вождь, – потрясателем стали, наездником моря.

Он оглядел двор и спросил:

– А где собаки? Где мой старый верный Грам?

– Грама больше нет, – печальным голосом ответила Эльфрида. – Он попытался прыгнуть на Вальгарда и разорвать его, и я приказала убить бедное обезумевшее животное. Но это так напугало других собак, что теперь они рычат и поджимают хвосты, когда я выхожу с ребенком во двор.

– Это странно, – сказал Орм, – людей нашего рода всегда любили собаки и лошади.

Но когда Вальгард подрос, стало ясно, что животные не подпускают его к себе: коровы при его приближении разбегались, лошади храпели и бились, кошки шипели и лезли на дерево, и ему пришлось рано научиться владеть копьем, чтобы обороняться от собак. Он, в свою очередь, платил животным тем же: осыпал их пинками и бранью а со временем стал безжалостным охотником.

Вальгард рос угрюмым молчуном, склонным к диким выходкам и непослушанию. Рабы ненавидели его за тяжелый характер и злые шутки. Постепенно и Эльфрида, боясь признаться в этом самой себе, разлюбила его.

Но Орм души не чаял в Вальгарде, несмотря на то, что не во всем у них было согласие. Когда он наказывал мальчишку, тот ни разу не заплакал, хотя и тяжела была рука у Орма. А когда он учил Вальгарда владеть мечом и со свистом опускал свой клинок, едва не задевая головы сына, тот и бровью не вел. Вальгард быстро рос и мужал, владел оружием так, будто родился с ним в руках, и никогда ни в чем не выказывал ни боязни, ни мягкости.

У него не было настоящих друзей, но немало находилось тех, кто готов был за ним пойти.

Эльфрида родила Орму еще двух сыновей: рыжеволосого Кетила и смуглого Асмунда, и оба они были многообещающими мальчиками, и двух дочерей: Асгерд и Фреду, притом младшая, Фреда, была вылитая мать. Эти дети ничем не отличались от других детей, смеялись и плакали, сперва играли около матери, а как подросли, принялись шататься по округе,

и Эльфрида любила их и волновалась за них. Любил их и Орм, но Вальгард оставался его любимцем.

Вальгард мужал, по-прежнему одинокий, нелюдимый, молчаливый. Внешне он ничем не отличался от Скэфлока, пожалуй только волосы были немного темней, да кожа белей, да в глазах застыла тяжелая пустота. Но складка губ у него была упрямая, он редко улыбался, разве только пролив чью-нибудь кровь или причинив кому-нибудь боль, да и то это скорей была не улыбка, а оскал. Вальгард, который был выше и крепче всех мальчишек в округе, редко общался со своими сверстниками, иногда только составляя из них шайки для дурных дел. Он редко помогал по хозяйству, за исключением забоя скота, и всему предпочитал долгие прогулки в одиночестве.

Орм так и не построил задуманную когда-то церковь, однако окрестные крестьяне сами сделали это, и он не мешал своим людям молиться в ней. Как-то Эльфрида пригласила священника побеседовать с Вальгардом, но мальчик рассмеялся ему в лицо.

– Не желаю я кланяться вашему плаксивому богу, заявил он, – да и никакому другому. Если уж все таки нужно для чего-то взывать к богам, то жертвы, которые мой отец приносят Эзиру, помогают намного больше, чем любые молитвы, с которыми он или ты обращаетесь к Христу. Будь я богом, я скорей даровал бы удачу за кровавые жертвы, но скупца, который только и умеет, что досаждать лицемерными молитвами, я бы прогнал – вот так!

И он обрушил тяжелый пинок на священника.

Орм только посмеялся про себя, узнав об этой истории, а слезы Эльфриды не возымели действия, так что священник получил только скудное воздаяние.

Больше всего Вальгард любил ночь. Ночью он часто вставал и крадучись уходил из дому. Он мог до рассвета мчаться легкой волчьей походкой, точно околдованный лунным светом. Он бродил без цели, чувствуя беспокойство и томление, которые он и сам не умел объяснить, и его уныние рассеивалось только тогда, когда он убивал, калечил или рушил. Тогда он обретал способность смеяться, и кровь тролля стучала в его висках.

Но однажды он обратил внимание на крестьянских девушек, работающих в полях, в платьях, прилипших от пота к молодому телу, и с того дня у него появилась иная забава. Он был силен, хорош собой, и язык его был по-эльфийски боек, когда он давал ему волю. Вскоре Орму пришлось платить своим рабам за бесчестие их дочерей.

Это его не очень заботило, но когда Вальгард повздорил на пиру с Олафом, сыном Сигмунда, и убил его, Орм был вынужден заплатить большую виру. Последние годы Орм сидел дома, а если и путешествовал, то по торговым делам, но в то лето он пошел в викингский поход и взял Вальгарда с собой.

Это была честь для юноши, но он скоро оправдал ее, завоевав уважение других викингов воинским искусством и отвагой в битвах, так что они не обращали внимания на его склонность к бессмысленному убийству безоружных. Через некоторое время Вальгард стал берсерком: он начинал дрожать, кусать край своего щита, на губах у него выступала пена, и он с воем бросался в бой. Меч его быстро делался красным от крови, он не чувствовал ударов, которые ему наносили, и выражение его лица сковывало ужасом врагов еще до того, как оп успевал обрушить на них свое оружие. После битвы, в которой Вальгард нагромождал горы трупов, он некоторое время чувствовал себя обессилевшим.

Только грубые и беззаконные люди решались иметь дело с берсерками, и именно такими Вальгард предпочитал предводительствовать. Каждое лето он отправлялся в набег с Ормом, по вскоре Орм прекратил свои походы и Вальгард набрал собственную дружину. К тому времени как Вальгард вошел в силу, его имя уже наводило ужас. Так же, как и отец, он добывал золото, чтобы покупать корабли. На них он набрал таких отборных негодяев, что Орм ему запретил высаживать эту шайку на берег около своей усадьбы.

Зато другие дети Орма были всеобщими любимцами. Кет был похож на отца, рослый и веселый, готовый и на бой и на пир когда он подрос, то часто стал отправляться в море. Но только один раз пошел в викингский поход, крепко побранился с Вальгардом, и с тех пор уходил в море сам и только по торговым делам. Асмунд, стройный и тихий юноша, меткий лучник, рос не большим любителем сражений, и с годами он все больше занимался хозяйством в усадьбе. Асгерд выросла красивой, но крупной девицей, голубоглазой золотовласой, сильной и невозмутимой, а Фреда сполна унаследовала всю прелесть и красоту своей матери.

Так обстояли дела тогда, когда ведьма решила, что пора ей соткать свою сеть.

Глава 7

В ненастный осенний день, когда воздух пах дождем, а листья стали золотыми, медными, бронзовыми. Кетил с несколькими друзьями отправился на охоту. Они зашли далеко в лес и встретили белого оленя, такого огромного и величественного, что едва могли поверить своим глазам.

– Хо, королевский зверь, – прокричал Кетил, пришпорил свою лошадь, и они понеслись далеко вперед через булыжники и сучья, перепрыгивая бревна увертываясь от несущихся навстречу деревьев, прорываясь сквозь заросли кустов; опавшая листва хрустела под копытами, ветер ревел в ушах, и лес сливался в сплошное многоцветное пятно. Странно, но собаки не были увлечены погоней, и, хотя лошадь Кетила была не из лучших, он оставил далеко позади и собак и остальных охотников.

Впереди перед ним мелькал в белых сумерках белый олень, его похожие на деревья рога, взлетающие к небу во время прыжка. Через некоторое время сквозь голые сучья деревьев начал проникать холодный дождь, но, ослепленный погоней, Кетил его не чувствовал. Также он не чувствовал ни расстояния, ни часов, ни вообще чего-либо, кроме галопа своей лошади и азарта охоты.

Наконец они ворвались на небольшую поляну почти что вместе с оленем. Было темно, но Кетил направил свое копье на белый контур. Но когда он метнул его, олень, казалось, увернулся, потом вдруг растворился, подобно туману, разогнанному ветром, и исчез, только хвост мелькнул среди увядшей листвы.

Кетил начал понимать, что он оторвался от своих товарищей и потерял их. Резкий, холодный ветер рыдал в темноте. Его лошадь дрожала от усталости. И неудивительно, поскольку они находились в незнакомом для него лесу, а это означало, что они проехали далеко на запад от леса Орма. Он вообще не мог понять, как животное вообще не свалилось, выбившись из сил. И от сверхъестественности всего происшедшего ему стало жутко.

Но на другой стороне поляны под огромным дубом стоял дом. Кетил подумал о том, какие люди могут тут жить в таком одиночестве и как они тут могут жить, ведь он не увидел никаких следов хозяйства, но по крайней мере есть убежище для него и для его коня в этом изящном деревянном домике с соломенной крышей и приветливыми огнями в окнах. Он слез с лошади, взял копье и постучал в дверь.

Дверь открылась, за ней показалась комната, обставленная хорошей мебелью, в глубине двора была пустая конюшня. Но смотрел Кетил только на женщину, он не мог оторвать от нее глаз. Он почувствовал, как его сердце повернулось и забилось, словно дикая кошка, рвущаяся из клетки.

Она была высокого роста, платье с глубоким вырезом облегало каждый изгиб ее восхитительного тела. Ее черные распущенные волосы падали до колен, обрамляя идеальный овал ее лица, белого, как морская пена. Ее сочные губы были красные как кровь, у нее был тонкий нос и глаза с длинными ресницами под изящно вычерченными бровями. Они были бездонно зелеными, эти глаза с золотыми бликами и, казалось, смотрели Кетилу прямо в душу. Никогда, подумал в изумлении он, никогда раньше он не знал, как может смотреть женщина.

– Кто ты? – спросила она мягким певучим голосом. – Что тебе нужно?

Во рту у него пересохло и стук сердца, казалось, лишил его слуха но он попробовал ответить: – Я Кетил Ормссон… я заблудился во время охоты, и я прошу убежища для моей лошади и… себя…

– Добро пожаловать, Кетил Ормссон, – сказала она, улыбнувшись ему так, что сердце едва не выскочило из его груди. – Редко кто сюда заходит, и я каждому рада.

– Ты живешь одна? – спросил он.

– Да, но только не сегодня ночью! – засмеялась она, и Кетил обнял ее.

Орм выслал своих лошадей ко всем соседям, но никто ничего но мог сказать о его сыне. Через три дня Орм уже был уверен, что что-то нехорошее случилось с Кетилом.

– Он мог сломать себе ногу, встретить грабителей или как-нибудь еще попасть в беду, – сказал он. – Завтра Асмунд, мы отправимся на его поиски.

Вальгард сидел развалившись на скамье, с рогом меда в руке. Два дня назад он вернулся из своего летнего плавания, оставив корабли и людей в месте, которое оп купил. Вальгард прибыл домой на какое-то время не столько из желания видеть родственников, сколько из-за хорошей пищи и вина, которое подавали в доме Орма. Свет от огня отражался кровью на его угрюмом лице. – Почему ты говоришь это только Асмунду? – спросил он. – Я тоже тут.

– Я бы не сказал, что вы с Кетилом обожаете друг друга, – сказал Орм.

Вальгард усмехнулся и опустошил рог.

– Это точно, – сказал он. – Но все же я поохочусь за ним, и, надеюсь, именно я найду его и приведу домой. Мало найдется вещей более неприятных для него, чем быть обязанным мне.

Он пожал плечами, в глазах Эльфриды появились слезы.

Они начали поиски на рассвете, лай собак разносился в морозном воздухе. Большое количество людей верхом на лошадях рассыпались по лесу согласно оговоренному плану. Вальгард по привычке шел пешком и один. В качестве оружия он пес огромный топор, на голову был нахлобучен шлем, без них бы его можно было принять за дикого зверя. Он принюхивался к свежему воздуху и кружил по лесу в поисках следа. У него был нечеловеческий дар выискивания следов. Через некоторое время он обнаружил остатки тропы. Он усмехнулся, но не протрубил в свой рог, а устремился вперед легкими длинными скачками.

Когда день был в разгаре, он вбежал в густой старый лес, в котором он раньше никогда не был. Небо стало серым, и тучи нависли низко над корявыми деревьями. Ветер кружил опавшие листья в воздухе, похожие на духов, спешащих по дороге в ад, и его плач действовал на нервы Вальгарду. Он чувствовал, что что-то здесь не так, но, не обученный колдовству, он не знал, что именно заставило его насторожиться.

К сумеркам он уже зашел далеко, устал, был голоден и зол на Кетила. Он будет вынужден спать сегодня в лесу, а уже надвигается зима, и он поклялся себе отомстить за это.

Вдруг среди сгущающихся сумерек он заметил огонек. Это был огонь – убежище, даже если это логово разбойников. А если что, прорычал сам себе Вальгард, он получит удовольствие, убив их.

Ночь погнала его к дому. Принесенные ветром капли дождя липли к его щекам. Вальгард осторожно подошел к окну и вгляделся внутрь сквозь щели в ставнях.

На скамье перед огнем сидел счастливый Кетил. В одной руке у него был рог с пивом, другой он гладил женщину, сидящую у него на коленях.

Женщина, всесильные боги, какая женщина! Вальгард тяжело прохрипел. Он и не знал, что бывают такие женщины, как эта, которая смеялась на коленях у Кетила.

Вальгард подошел к двери и постучал в нее топорищем. Прошло достаточно времени, прежде чем Кетил открыл дверь, чтобы посмотреть, кто пришел, в руках у него было копье. К тому времени густо пошел снег с дождем.

Огромный и злой, в дверях появился Вальгард. Кетил выругался. Он отступил назад и пропустил его в дом. Вальгард медленно прошел по комнате. Вода от растаявшего снега стекала с него. Его глаза впились в женщину, прилегшую на скамье.

– Ты не очень гостеприимен, брат, – сказал он и расхохотался. – Ты бросаешь меня на улице во время урагана, в то время как ты здесь проводишь время со своей возлюбленной, меня, прошедшего столько утомительных миль в поисках тебя.

– Я тебя сюда не звал, – мрачно сказал Кетил.

– Нет? – Вальгард все еще смотрел на женщину. Она встретилась с ним взглядом, и ее красные губы растянулись в улыбку.

– Ты желанный гость, – выдохнула она. – Никогда прежде я не привечала такого большого человека, как ты.

Вальгард снова рассмеялся и посмотрел на изумленного Кетила. – Звал ты меня или нет милый брат, но я проведу эту ночь здесь, – сказал он. – А поскольку я здесь вижу лишь одну комнату с кроватью на двоих, а я прошел такой тяжелый, долгий путь, боюсь, тебе придется ночевать в конюшне.

– Ради тебя, нет! – прокричал Кетил. Его сжимающие копье руки побелели. – Будь это отец, или Асмунд, или кто-нибудь еще из наших, он был бы принят как дорогой гость. Но ты, злодей и берсеркер, ты будешь спать на соломе.

Вальгард усмехнулся и взмахнул топором. Копье ударилось о стену и переломилось возле острия. – Убирайся, мой маленький брат, – приказал он. – Или мне тебя вышнырнуть?

Слепой от ярости, Кетил ударил его сломанным древком копья. Бешенство овладело Вальгардом. Он подпрыгнул. Его топор свистнул в воздухе и погрузился в череп Кетила.

Все еще вне себя, он повернулся к женщине. Она протянула к нему руки. Вальгард схватил ее и целовал, пока на их губах не выступила кровь. Она громко рассмеялась.

Но на следующее утро, когда он проснулся и увидел Кетила, лежащего в луже спекшейся крови, встретился взглядом с его мертвыми глазами, что-то вдруг в нем шевельнулось – и он почувствовал раскаяние.

– Что я наделал? – прошептал он. – Я убил своего родственника.

– Ты убил человека, который был слабее тебя, – сказала женщина равнодушно.

Но Вальгард стоял над телом своего брата и грустно размышлял.

– Между нами было много хорошего, между нашими ссорами, – бормотал он. – Я помню, каким смешным нам казался теленок, старающийся подняться на свои дрожащие ноги, я помню ветер, дующий в наши лица, и солнце, блистающее на волнах, когда мы были в море, сквозняки, гуляющие по дому отца на святки, когда на улице бушевал шторм, я помню, как мы вместе с тобою, брат, купались, бегали, кричали. Всему этому теперь пришел конец, ты теперь бездыханный труп, а я встал на черный путь… но спи спокойно. Спокойной ночи, Кетил спокойной ночи.

– Если ты расскажешь об этом людям, тебя убьют, – сказала женщина. – Это его не вернет. А в могиле нет ни поцелуев, ни любви.

Вальгард покачал головой. Он поднял тело и унес его в лес. Он боялся снова притрагиваться к топору, поэтому он не стал вытаскивать его из черепа мертвеца, похоронив его под грудой камней.

Но когда Вальгард вернулся в дом, женщина ждала его там, и вскоре он все забыл. Ее красота затмевала свет солнца, и не было ничего, что бы она не знала в искусстве любви.

Пришел жестокий мороз, выпал верный снег. Эта зима будет долгой.

Через неделю Вальгард подумал, что пора вернуться домой. Кто-нибудь может начать искать его, к тому же драки могут разрушить команды его кораблей. Но женщина отказалась уйти с ним.

– Здесь мое место, и я не могу его покинуть, – сказала она. – Приходи, когда бы тебе ни захотелось, Вальгард, мой дорогой. Я всегда буду тебе рада.

– Я скоро вернусь, – пообещал он. Он даже не подумал увести ее силой, хотя со многими женщинами оп поступал так раньше. Ее добровольное принесение себя в дар было слишком бесценно.

У дома Орма он был радостно встречен его хозяином, который боялся, что Вальгард тоже потерялся. Никто больше не обрадовался его возвращению.

– Я зашел далеко на запад и на север, – сказал Вальгард – и не нашел Кетила.

– Не нашел, – повторил Орм горестно, – должно быть, он погиб. Мы искали несколько дней, и нашли лишь его лошадь без седока. Я буду готовиться к поминкам.

Вальгард пробыл лишь пару дней среди людей, за тем снова отправился в лес, пообещав вернуться к поминкам. В задумчивости смотрел Асмунд на уходящего Вальгарда.

Младшему брату казалось странным, что Вальгард избегает разговоров о судьбе Кетила. И еще более странными казались слова Вальгарда, что он должен отправиться на охоту, теперь, когда уже наступала зима. Медведей в лесу не будет, а остальные звери в это время такие пугливые, что люди не старались их преследовать, прорываясь сквозь снег. Почему Вальгард так долго не возвращался и почему он так скоро снова ушел?

Так думал Асмунд, и, наконец, через два дня после того, как ушел Вальгард, он отправился за ним. После его ухода не было ни снега, ни ветра, и следы были хорошо видны на белом, хрустящем снегу. Он шел один, на лыжах, по местам, где не было ничего живого, кроме него, и мороз вгрызался и вгрызался в его тело.

Через три дня вернулся Вальгард. У Орма собралось много народу отовсюду, шли поминки. Берсеркер мрачно проскользнул через заполненный народом двор.

Эльфрида потянула его за рукав.

– Ты видел Асмунда? – спросила она испуганно. Он ушел в лес и еще не возвращался.

– Нет, – коротко ответил Вальгард.

– Худо было бы потерять двух лучших сыновей в один месяц, оставшись с худшим. – сказала Эльфрида и отвернулась от него.

К вечеру гости собрались в большом зале. Орм сидел на своем высоком стуле, Вальгард по правую руку. Люди сидели на скамьях, поставленных по обе стороны комнаты, вместе поднимая рога среди дыма и пламени от огня, горящего в канавке между скамьями. Женщины бегали туда сюда, следя, чтобы эти рога были все время наполнены.

Кроме семьи умершего, все присутствующие начали веселеть от пива, и много взглядов было устремлено на двух дочерей Орма сквозь туманный играющий красный свет.

На лице у Орма была улыбка, в которой, как и подобало воину, было презрение к смерти; но никто не мог сказать, что под ней таилось. Эльфрида не могла сдержать рыданий, временами она плакала, спокойно и безнадежно. Вальгард сидел молча, осушая рог за рогом, пока его голова не затуманилась хмелем. Его тоска только увеличилась. Вдали от женщины и тревог войны, он не мог ни о чем думать, кроме как о том, что он совершил. И лицо Кетила проплывало перед ним в сумерках.

Пиво лилось рекой, пока все гости не напились и шум их голосов не наполнил зал. Затем громкий стук в центральную дверь прорвался и заглушил шум. Засов на двери был поднят, но звук привлек внимание гостей. В зал ворвался Асмунд.

Свет от огня осветил его фигуру в темноте. Он стоял, качаясь, и был весь белый. В руках он держал что-то, завернутое в накидку. Он обводил комнату пустым взглядом, отыскивая кого-то, и постепенно в зале наступила полная тишина.

– Проходи, Асмунд! – громко прозвучал в тишине голос Орма. – Мы уже начали волноваться за тебя…

Асмунд все еще смотрел перед собой, и те, кто проследил за его взглядом, увидели, что он сосредоточен на Вальгарде. Наконец он монотонно произнес: – Я принес на прощальное пиво гостя.

Орм сидел не шевелясь, хотя кожа под его бородой побледнела. Асмунд поставил свою ношу на пол. Она была замерзшей и твердой настолько, что могла стоять, и он ее поддерживал, обняв одной рукой.

– Пирамида из камней, в которой я нашел его, была страшно холодной, – сказал Асмунд. Слезы показались на его глазах. – Я решил, что это плохое место и что будет позо-

ром, если мы устроим поминки в его честь, в то время как он будет лежать там один, лишь в компании ветра и звезд. И я принес Кетила домой… Кетила, с топором Вальгарда в голове!

Он сбросил накидку, свет от огня отразился свежей кровью, той, которая запеклась вокруг топора. Волосы Кетила были покрыты инеем, его мертвое лицо ухмылялось Вальгарду. Его горящие глаза были наполнены пламенем. Он опирался на Асмунда и смотрел на Вальгарда.

Орм медленно повернулся, чтобы посмотреть на берсеркера, который застыл под слепым взглядом, направленным на него, у него самого, как у трупа, отвисла челюсть. Но привычный гнев охватил его. Вальгард вскочил и прорычал Асмунду: – Ты лжешь!

– Все знают твой топор, – тяжело проговорил Асмунд. – А теперь, люди добрые, схватите братоубийцу, свяжите и повесьте.

– Оставьте мне мое право, – закричал Вальгард. – Дайте мне посмотреть на это оружие.

Никто не пошевелился. Все были слишком потрясены. Вальгард пошел к двери через безмолвный зал, в котором лишь огонь в этот момент обладал голосом.

Оружие было составлено рядом. Проходя, он схватил копье и бросился бежать. – Ты не уйдешь! – крикнул Асмунд и повернулся, чтобы выхватить меч и преградить ему путь. Вальгард ударил его копьем. Копье прошло сквозь незащищенную латами грудь Асмунда и пригвоздило его к стене вместе с Кетилом. Они так и стояли, два брата, опершись друг на друга, глядя на убийцу.

Ярость берсеркера овладела, им и Вальгард завыл. Глаза его горели зеленым светом, как у рыси, на губах его была пена. Орм побежал за ним, поднял меч и атаковал. Вальгард вскинул свой нож, отразил удар Орма, отведи меч в сторону ударом левой руки, и вонзил лезвие в горло Орма.

Кровь струилась вокруг него. Орм упал. Вальгард поднял меч. К нему подбегали гости. Они преградили ему путь к бегству. Вальгард убил тех, что были ближе к нему. Его вой пронесся по залу.

Зал кипел людьми. Одни старались забраться подальше в угол, другие схватить безумного. Меч Вальгарда свистел в воздухе. Упало еще трое. Потом принесли широкую доску от стола. Ею они отодвинули Вальгарда подальше от места, где было составлено оружие. Все начали вооружаться

Но в такой толкотне это шло медленно. Вальгард рубил тех, между ним и дверью: они были безоружны. Некоторые были убиты, некоторые были ранены. Он прорвался вперед. В дверях стоял воин, у него был меч и щит с железным ободом. Вальгард взмахнул мечом, лезвие ударилось о край щита и переломилось.

– Твой меч слишком хрупок, Орм, крикнул он. Воин рванулся к нему, Вальгард отскочил назад и вырвал топор из головы Кетила. Его противник слишком спешил и был неосторожен: первый его удар отбросил щит. Второй отрубил руку воина у плеча. Вальгард выскочил в дверь.

Вслед ему летели копья. Вальгард вбежал в лес. Кровь его отца какое-то время капала с него, пока не замерзла и больше не помогала собакам идти по его следу. Даже когда он скрылся от них, он продолжал бежать, чтобы тоже не замерзнуть. Дрожа и рыдая, он бежал на запад.

Глава 8

Колдунья сидела одна в темноте и ждала. Вскоре что-то проскользнуло в крысиную дыру. Посмотрев вниз, на темный пол, она увидела своего друга. Худой и изможденный, он не стал ничего говорить, пока не забрался к ней на грудь и не напился. Затем он лег у нее на коленях и посмотрел на нее своими злыми блестящими глазками.

– Так как прошло твое путешествие? – спросила она.

– Оно было долгим и холодным, – ответил он. – Я добрался до Эльфхьюфа в виде летучей мыши. Ползая по залам дворца Имрика, я несколько раз был близок к смерти. Они страшно проворны, эти эльфы, к тому же они знали, что я не просто обычная крыса. Но тем не менее мне удалось подслушать их совет.

– Их план таков, как я предполагала?

– Да. Скэфлок отправится в Тролльхайм, чтобы совершить налет на владения Иллрида. Они надеются убить короля или по крайней мере расстроить его приготовления к войне – теперь, когда он открыто объявил об окончании перемирия. Имрик же останется в Эльфхьюфе и будет готовиться к обороне.

– Хорошо. Старый граф эльф слишком коварен, но один Скэфлок вряд ли избежит ловушки. Когда он отправляется?

– Через девять дней. Он возьмет около пятидесяти кораблей.

– Эльфы передвигаются по морю быстро, и они той же ночью будут в Тролльхайме. С ветром, который я научу его поднять, Вальгард будет там через три дня, и еще нужно дать ему три дня приготовлений. Вальгарду нужно предстать перед Иллридом незадолго до Скэфлока, я должна задержать его здесь… гм, ему еще понадобится время, чтобы добраться до своих людей… будет не очень трудно управлять им, поскольку он сейчас преступник и спешит сюда в отчаянии.

– Ты жестока к Вальгарду.

– Я не имею ничего против Вальгарда, поскольку он не принадлежит к роду Орма, но он мое орудие в трудной и опасной игре. Уничтожить Скэфлока будет не так просто, как Орма и двух братьев, как будет легко добраться о двух сестер. Над моим колдовством и силой он лишь посмеется. – Ведьма усмехнулась в темноте. – да, но Вальгард – это орудие, которое я превращу в оружие, и оно пронзит сердце Скэфлока. Что касается самого Вальгарда, то я даю ему возможность возвыситься среди троллей, особенно если они победят эльфов. Моя мечта – сделать падение Скэфлока вдвойне горьким, разрушив Эльфхайм через него.

И ведьма села и стала ждать искусство, которому ее научили прожитые годы.

На рассвете, когда серый, безнадежный свет прополз по снегам и покрытым льдом деревьям, Вальгард постучался в дверь дома женщины. Она тут же открыла и он упал на ее руки. Он был почти мертвый от усталости и холода, весь в крови, глаза его были дикими, лицо ничего не выражало.

Она дала ему мяса, пива и трав, и вскоре он уже крепко обнимал ее.

– Ты единственная, что у меня осталось, – пробормотал он. – Женщина, чья красота и распутство принесло мне это несчастье, я должен убить тебя, а затем себя.

– Почему ты так говоришь? – улыбнулась она. – Что случилось?

Он утопил свое лицо в аромате ее волос.

– Я убил своего отца и братьев, – сказал он, – и теперь я преступник, которому нет прощения.

– Что касается убийств, – сказала женщина, – они лишь доказывают, что ты сильнее тех, кто тебе угрожал. Какое имеет значение, кем они были? – Ее зеленые глаза впились в

него. – Но если мысль о том, что ты убил своих родственников, сильно тебя волнует, то я скажу тебе, что ты невиновен.

– А?.. – Он тупо посмотрел на нее.

– Ты не сын Орма, Вальгард Лютый. Я обладаю двойным зрением, и я говорю тебе, что ты рожден не от людей, а от такого древнего и благородного рода, что едва ли можешь себе представить свое настоящее наследство.

Его огромная фигура налилась свинцом. Он схватил ее за запястья, в доме раздался его вопль:

– Что ты сказала?

– Ты подкидыш, оставленный графом эльфов Имриком вместо украденного сына Орма, – сказала женщина. – Ты настоящий сын Имрика от рабыни, дочери Иллрида, короля троллей.

Он отбросил ее от себя. Капли пота выступили на его лбу.

– Ложь! – задыхаясь простонал он. – Ложь!

– Правда, – холодно ответила женщина. Она медленно подходила к нему. Он отступал, тяжело дыша. Ее голос был ровен и непреклонен – Почему ты не похож на детей Орма и вообще на людей? Почему ты презираешь богов и людей, гуляешь в одиночестве, забываясь лишь в ярости убийства? Почему ни одна из женщин, с которыми ты делил постель, не принесла ребенка? Почему звери и маленькие дети боятся тебя? Она загнала его в угол. Ее глаза не отпускали его. – Чем это еще объяснить, кроме как тем, что ты не Человек?

– Но я рос так же, как все другие люди, я могу выносить железо и священные вещи, я не волшебник…

– Это злая работа Имрика, который ограбил тебя, лишив того, что принадлежит тебе от рождения и променяв тебя на сына Орма. Он сделал тебя похожим на украденного ребенка. Ты вырос в душной среде людей, где не могла раскрыться колдовская сила, дремлющая в тебе. Ты можешь расти, стареть и умереть в быстром росчерке человеческой жизни, святые и земные вещи, которых боятся эльфы, для тебя не страшны, но за эту возможность Имрик заплатил ценой принадлежащего тебе от рождения права тысячелетней жизни. Но он не мог вложить в тебя человеческую душу, Вальгард. И так же как он, ты погаснешь после своей смерти, подобно задутой свече, у тебя нет надежды попасть ни на небеса, ни в ад, ни в пределы старых богов – и в то же время ты будешь жить не дольше обычного человека!

При этих словах Вальгард вскрикнул. оттолкнул ее в сторону и выбежал в дверь. Женщина улыбалась.

На улице было холодно, и шумел ураган, Вальгард вернулся в дом только когда стемнело. Он вернулся согнувшимся и побитым, но его глаза блестели, он смотрел на свою возлюбленную.

– Теперь я тебе верю, – пробормотал он, здесь больше верить некому. Я видел духов и демонов, несущихся в урагане, летающих вместе со снегом; они проносились мимо и смеялись надо мной. – Он уставился в темный угол комнаты. – На меня опустилась ночь. Жалкая игра моей жизни проиграна – я потерял свой дом, родичей и даже свою душу, которой у меня никогда не было, и теперь я понимаю, что был всего лишь тенью, отбрасываемой могущественными силами, которые теперь задувают свечу. Спокойной ночи, Вальгард, спокойной ночи… – И он упал на кровать и зарыдал.

Женщина загадочно улыбнулась, легла рядом с ним и поцеловала его. Ее поцелуй был как огонь и вино. И когда он, изумленный, молча посмотрел на нее, она прошептала:

– Речи недостойные Вальгарда берсеркера, могущественного из воинов, чье имя наводит ужас на всех от Ирландии до Гардарики. Я думала, что ты ухватишься за мои слова с радостью и изменишь судьбу, придав ей лучшую форму своим огромным топором. Ты

жестоко мстил за меньшие обиды, чем эта, – у тебя украли твое естество и заключили тебя в темницу, в рамки жизни обычного смертного.

Вальгард почувствовал, что к нему возвращается какая-то сила, лаская женщину, он чувствовал, что эта сила растет вместе с ненавистью ко всему, кроме нее. – Но что я могу сделать? Как я могу отомстить? Я даже не могу видеть эльфов и троллей, если они сами этого не захотят.

– Этому я могу тебя научить, – ответила она. – Нетрудно приобрести особое волшебное зрение, с которым рождаются существа Фэри. После этого, если ты захочешь, ты сможешь уничтожить тех, кто принес тебе зло, и будешь смеяться над своим изгнанием, будучи могущественней любого короля людей.

Вальгард сосредоточил свой взгляд на ней.

– Каким образом? – медленно спросил он.

– Тролли готовятся к войне со своими старыми врагами – эльфами, – сказала она. – Вскоре Иллрид, король троллей, пошлет войско в Эльфхайм, скорее всего сначала он ударят по силам Имрика здесь, в Англии, чтобы обезопасить свой фланг и тыл и двинуться затем на юг. Среди сильнейших воинов Имрика будет Скэфлок, поскольку ему не страшны ни железо, ни святые вещи, он необычайно силен и наделен колдовскими знаниями. Этот приемный сын Имрика занимает место, которое принадлежит по праву тебе. Если ты быстро отправишься морем к Иллриду, поднесешь ему богатые дары. предложишь ему свою человеческую силу, а также расскажешь ему о своем происхождении, ты можешь занять высокое место в его армии. Во время налета на Эльфхьюф ты можешь убить Имрика и Скэфлока, и тогда Иллрид наверняка сделает тебя графом британских земель эльфов. После того, научась колдовству, ты сможешь достичь еще большего. Да, ты сможешь научиться, как изменить то, что сделал с тобой Имрик, и стать, подобно настоящим эльфам и троллям бессмертным до окончания этого мира.

Вальгард рассмеялся, визжа подобно раненому волку

– Это действительно здорово! – крикнул он. – Мне, убийце, преступнику и нечеловеку, нечего терять и есть что выигрывать. Если мне суждено присоединиться к полчищам холода и тьмы, так лучше я присоединюсь к ним со всем сердцем. О, женщина, женщина, что ты сделала со мной, это зло, но я благодарен тебе за него.

Он неистово ласкал ее, но затем, когда он заговорил, голос его был холоден и спокоен.

– Как мне добраться до Тролльхайма? – спросил он. Женщина открыла сундук и достала оттуда кожаный мешок, завязанный на узел.

– Ты должен отплыть точно в тот день, который я тебе назову, – сказала она. – Когда ты загрузишь судно, развяжи его. В нем хранится ветер, который доставит тебя куда нужно, и волшебное зрение, с помощью которого ты увидишь владения троллей.

– А что будет с моими людьми?

– Они будут частью твоего дара Иллриду. Троллям доставит удовольствие поохотиться за ними среди гор. И они почувствуют, что твои люди грешники, за которых ни один бог не станет заступаться.

Вальгард пожал плечами.

– Раз уж мне суждено быть троллем, так пусть уж в крови моей будет и предательство. – сказал он. – Но что я еще могу дать, чтобы ему понравилось? У него, должно быть, море золота, драгоценных камней и других ценностей.

– Ты дашь ему то, что стоит дороже, – сказала женщина. – У Орма две дочери девицы, а Тролли очень похотливы. Если ты их свяжешь и приведешь, только так, чтобы они не успели перекреститься и назвать имя Христа…

– Только не этих двоих, – в ужасе сказал Вальгард. – Я вместе с ними рос и причинил им уже достаточно зла.

– Именно этих двоих, – сказала женщина. – Если Иллрид возьмет тебя к себе на службу, он должен быть уверен, что ты порвал со всеми человеческими связями.

Вальгард отказывался, но она прильнула к нему, поцеловала и оплела его рассказами о черной славе и величии, которые его ожидают. Наконец он согласился.

– Но я хотел бы знать, кто ты, самая злая и самая прекрасная во всем мире, – сказал он.

Она рассмеялась, упав ему на грудь и обняв его.

– После того как ты узнаешь женщин эльфов, ты забудешь обо мне.

– Нет, никогда я тебя не забуду, дорогая, тебя, открывшую мне глаза.

Женщина задерживала Вальгарда в своем доме столько, сколько считала необходимым. Она оттягивала час расплаты с Фэри, притворяясь, будто колдует для того, чтобы вернуть Вальгарду волшебное зрение. Но едва ли это было необходимо, поскольку ее красота и любовь держали его в этом доме крепче, чем цепи.

Повсюду уже лежал снег, когда она наконец сказала: – Тебе пора отправляться.

– Нам, – ответил он. – Ты должна пойти со мной, я не могу жить без тебя. – Он обнял ее. – Если ты не пойдешь добровольно, то я уведу тебя силой.

– Очень хорошо, – вздохнула она. – Хотя, возможно, ты решишь иначе, когда я дам тебе зрение.

Она поднялась, посмотрела на него и провела рукой по его лицу. Она задумчиво улыбалась.

– Ненависть суровый учитель, – сказала она. – Я не думала, что снова придется повеселиться, Вальгард, мне очень грустно с тобой расставаться. Удачи тебе, мой дорогой. А теперь… – она коснулась кончиками пальцев его глаз, – …смотри!

Хорошо убранный маленький домик и высокая белокурая женщина поплыли перед ним, подобно дыму, разгоняемо ветром. И внезапно в ужасе он увидел их не завороженными колдовством глазами обычного смертного, а такими, какими они были на самом деле…

И Вальгард увидел.

Он сидел в грязной плетеной лачуге, где крошечный огонек отбрасывал тусклый свет на кучи костей, тряпья и ржавых орудий и принадлежностей колдовства. Он посмотрел на тусклые глаза ведьмы, на ее лицо – маску из сморщенной кожи, натянутой на беззубый череп. На ее сморщенной груди сидела крыса.

В ужасе он вскочил на ноги. Ведьма хитро смотрела па него. – Милый, милый, – хихикала она, – мы отправимся на твой корабль? Ты поклялся, что никогда не расстанешься со мной.

– Из-за тебя я стал преступником – проревел Вальгард. Он схватил свой топор и замахнулся на нее. Но когда он ударил ее тело куда-то ускользнуло. По полу пробежали две крысы. Топор воткнулся в землю перед дырой, в которую они скрылись..

В бешенстве Вальгард схватил палку и сунул ее в огонь. Когда она разгорелась он коснулся ею тряпья и соломенной крыши. Он стоял снаружи и смотрел как пылает лачуга, готовый ударить топором по тому, кто бы о не появился. Но было лишь играющее пламя, свистящий ветер, снег, который шипел, падая в огонь. Когда не осталось ничего, кроме пепла, Вальгард прокричал:

– Из-за тебя я потерял свой дом, родственников и надежду, из-за тебя я отрекаюсь от своей прежней жизни и вступаю в царство тьмы, из-за тебя я стал троллем. Слушай меня, ведьма, если ты еще жива, я воспользуюсь твоим советом. Я стану графом троллей в Англии, а может быть, однажды, и королем всего Тролльхайма, и тогда я обрушусь на тебя со всей силой, которую я тогда буду иметь. Ты, как и любой человек, эльф или кто-либо еще, вставший у меня на пути, узнаешь мой гнев, и никогда я не успокоюсь до тех пор, пока не сниму с тебя живой кожу, с тебя, которая разбила мое сердце и наполнила его тьмой.

Он повернулся и побежал на восток, вскоре он скрылся в снегопаде. Сидя под землей, ведьма и ее друг усмехнулись друг другу. Все шло так, как они задумали.

Люди, из которых состояли команды кораблей Вальгарда, были худшими из викингов: большинство из них было изгнано из своих родных земель, а любой из них был непрошеным гостем, куда бы он ни отправился. Поэтому Вальгард и купил свою собственную землю, где они могли бы перезимовать. Они жили хорошо, обслуживаемые рабами, но его соратники были настолько вспыльчивы и буйны, что лишь такой человек, как их хозяин, мог их удерживать вместе.

Когда их достигла весть об убийствах, они поняли, что вскоре люди страны Датского Закона придут, чтобы расправиться с ними, и тогда они снарядили корабль и приготовились к плаванию. Но они никак не могли прийти к согласию, куда им плыть теперь, зимой, и было много споров и драк. Так могло бы продолжаться до тех пор, пока их враги не предстали бы перед ними, если бы не вернулся Вальгард.

Он пришел после заката. Огромные заросшие люди сидели и пили рог за рогом, пока их крики не сделали их самих глухими. Многие храпели на полу рядом с собаками, другие вопили и переругивались из-за каких-то пустяков друг с другом. При этом свидетели ссоры были склонны скорее подначить, нежели успокоить их. Туда – сюда бегали испуганные рабы и уже давно выплакавшие свои слезы рабыни.

Вальгард подошел к своему пустому высокому стулу, огромный и страшный, выглядевший еще мрачнее, чем прежде, большой топор, который стали называть Братоубийцей, был перекинут через плечо. Тишина расплылась волнами среди присутствовавших, пока не стало казаться, что лишь огонь в этом зале имеет голос.

Вальгард заговорил

– Мы не можем оставаться здесь. Хотя вы не были в поместье Орма, случившееся будет воспринято его людьми как повод, чтобы отделаться от вас. Ну и ладно. Я знаю место, где мы можем завоевать больше богатства и славы, туда мы и отправимся на рассвете послезавтра.

– Где это место и почему не отплыть завтра? – спросил один из его капитанов, старый, покрытый шрамами человек по имени Штайнгрим.

– Что касается последнего – у меня есть дело в Англии, с которым мы справимся завтра, сказал Вальгард. – А что касается первой части вопроса, наша цель – Финляндия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.